

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2015

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В РОССИИ XIX—XX ВЕКОВ	
А. А. Панченко, К. А. Богданов. «Теории заговора», история культуры и русская литература	8
К. А. Богданов, И. Г. Юнг-Штилинг в России: религиозный интернационал, духовная география и миражи конспирологии	14
И. А. Кравчук. «Сок народа»: конструируя раскольников	27
В. Ю. Вьюгин. Роман о зайцах и советский канон (конспирологическая морфология периферийного текста)	42
А. И. Разувалова. Конспирологический сюжет в «Последней ступени» В. А. Солоухина: манифест, откровение, инструмент культурно-политической самолегитимации	55

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. А. Костин, М. В. Ломоносов — читатель эмблематических книг (к постановке проблемы)	69
К. А. Баршт. Жизнь писателя как предлог сюжета (о криптографическом аспекте «Села Степанчикова» Ф. М. Достоевского)	72
С. Н. Гуськов. Низвержение «литературного генерала» в газете платных объявлений	88
С. В. Мельникова. Образ приходского священника в русской беллетристике XIX века: вариации на тему «маленького человека»	96
А. В. Устинов. Образ боярыни Морозовой в романе Д. Л. Мордовцева «Великий раскол»	105
Т. В. Мисникевич. «Основной» текст и вариант как проблема перевода («L'ombre des arbes dans la rivière embrouillée...» в творческом диалоге Федора Сологуба и Поля Верлена)	116
В. С. Измозик, М. И. Бенкендорф и Петроградская ЧК	128

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© А. А. Костин

М. В. ЛОМОНОСОВ — ЧИТАТЕЛЬ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИХ КНИГ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)¹

Сугубо утилитарный характер наиболее известного русскоязычного эмблематического пособия «Символы и эмблемата», изданного по повелению Петра I в Амстердаме в 1705 году,² определил в целом отношение к эмблематике в России как к вспомогательной дисциплине, позволявшей выражать посредством устоявшихся и общепринятых зримых образов те или иные отвлеченные идеи. По-видимому, подобное понимание эмблематической книги лежит в основе характеристики «Символов и эмблемат» у такого знатока этого жанра на славянской почве, как Э. Хипписли, писавшего: «...амстердамское издание 1705 г. „Символы и эмблемата” является единственной русской эмблематической книгой».³ Также к пониманию эмблематической книги как пособия сводится до сих пор не потерявшее актуальности исследование А. А. Морозова, посвященное эмблематике в русской культуре петровского времени.⁴

Вместе с тем долгую и насыщенную жизнь эмблематической книге в Европе обеспечивала не только ее утилитарность. «Эмблемы» А. Альчиато (1531) или «Иконология» Ч. Рипы (1593) создавались вовсе не (только) для того, чтобы дать художникам, скульпторам и инвенторам фейерверков свод конвенциональных «говорящих картин», облегчающих невербальную коммуникацию. Энигматичность, неожиданность соотношения изображения и его значения свойственны большинству эмблематических книг вплоть до угасания этого жанра в XVIII—XIX веках. Собрание изображений — от вычурно-фантастичных до предельно реалистичных — с положенными им заглавиями, девизами и толкующими текстами — позволяло в наглядной, доступной широкому кругу читателей форме представить мир как во всем его разнообразии, так и в отдельных более узких областях — не случайно история развития жанра логично привела к вычленению таких типов эмблематических книг, как священные, политические, нравоучительные, любовные и т. п.⁵ Хотя, как показывают библиографии русской эмблематики, жанр этот коснулся восточнославянских земель, и в особенности России лишь незначительно, подобные издания — и оригинальные, и переводные, были известны и здесь по меньшей

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-04-00551: «„Краткое руководство к красноречию” М. В. Ломоносова: творческая история, источники, текст».

² Хиппислей Э. Р. К вопросу об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата» («*Symbola et emblemata*») // Книга. Исследования и материалы. М., 1989. Т. 59. С. 60—79; Жаркова Н. Ю. Амстердамское издание «Символы и эмблемата» и творчество Адриана Шхонебека // Россия—Голландия: книжные связи XV—XX вв. СПб., 2000. С. 134—164; Sashalmi E. The frontispiece of Peter the Great's 'Simvolny i emblemata': An iconographical analysis // *Canadian-American Slavic Studies*. 2013. Vol. 47. P. 459—472.

³ Хиппислей Э. Р. К вопросу об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата»... С. 60.

⁴ Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 184—226.

⁵ Daly P. M. *The Emblem in Early Modern Europe: Contributions to the Theory of the Emblem*. [S. l.]: Ashgate Publishing Limited, 2014. P. 31—38.

мере до 1740-х годов.⁶ Это обстоятельство следует учитывать, оценивая такую характерную особенность русской поэзии конца XVII — первой половины XVIII века, как аллегоризм и изобразительность.⁷ При этом в качестве непосредственных источников знакомства русских поэтов с эмблематической традицией должны рассматриваться не только труды эмблематистов первого ряда (Альчиато, Рипа, Д. Саведро Фахардо, И. Камерарий, И. Самбукус и др.), но и менее известные.

В этом убеждает опыт комментирования одного из примеров в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) М. В. Ломоносова. Демонстрируя в § 144 тот тезис, что «витиеватые речи» могут рождаться из совмещения «противных и несходственных вещей», он приводит в том числе следующее четверостишие:

То плачет человек, то в радости смеется,
То презирает все, то от всего мятется.
Не больше в воздухе бывает перемен.
О коль он легкостью своей отягощен!⁸

Стихи эти представляют собой перевод. Исходным источником⁹ для них послужила серия гравюр голландского художника, гравера и поэта Яна Лёйкена (Jan Leyken, 1649—1712) «Ethica naturalis, seu Documenta moralia e variis rerum naturalium proprietatib[us], virtutum vitiorumq[ue] symbolicis imaginibus collecta» («Природная этика, или Нравоучительные наставления, в символах избранные из явлений Природы для соответствующих Добродетелей и Пороков»),¹⁰ опубликованная около 1700 года нюрнбергским издателем Кристофом Вейгелем (Christoph Weigel, 1654—1725). Вейгеля считают иногда и автором латинских стихов, сопровождающих гравюры, но сам он в своих рекламных реестрах указывал, что они сочинены поэтом Паулем Ханзицем (Paul Hansiz, 1645—1721), участником многих предпринятых нюрнбергского издателя.¹¹

Как следует уже из заглавия, коллекция из 100 гравюр Лёйкена представляет собой образец эмблематической литературы, относящейся к тому же типу, что и «Orbis pictus» Яна Амоса Коменского:¹² рассматривая в строгой иерархической последовательности отдельные явления природы, Ханзиц в каждом из них находит скрытый символ того или иного проявления человеческих нравов — и, описывая последовательно мир в его естественных проявлениях, дает широкую картину жи-

⁶ Kroll W. Heraldische Dichtung bei den Slaven. Mit einer Bibliographie zur Rezeption der Heraldik und Emblematis bei den Slaven (16.—18. Jahrhundert). Wiesbaden, 1986 (Opera Slavica. Neue Folge. Bd 7); Карюин Истомин. Книга любви знак в честен брак: Эмблематическая поэма в стиле русского барокко, объединяющая искусство слова и изображения / Статья, транслитерированный текст, археографический комм. и словарь подг. Л. И. Сазоновой. М., 1989; Хиппислей Э. Русская эмблематическая книга «Эмблемат духовный» (1743) // Памятники культуры. Новые открытия. 1992. М., 1993. С. 23—31; Михайлова И. М. Об одном переводе нидерландского поэтического текста в допетровскую эпоху. Опыт лингвистического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. № 1/2. С. 167—171.

⁷ Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее новое время. М., 2006. С. 228—362.

⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 217.

⁹ То есть, в терминологии В. Д. Рака, «подлинником» — изданием, где впервые было опубликовано сочинение (Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998. С. 7).

¹⁰ Ряд гравюр выполнен сыном Лёйкена Каспаром.

¹¹ Bauer M. Christoph Weigel (1654—1725), Kupferstecher und Kunsthändler in Augsburg und Nürnberg // Archiv für Geschichte des Buchwesens. 1982. Bd 23. Sp. 925.

¹² См. русские переводы: 1) Иоанна Амоса Комения Видимый мир... М., 1768 (2-е изд.: М., 1788); 2) Зрелище вселенные. СПб., 1788 (4-е изд.: СПб., 1822); 3) Мир чувственных вещей в картинках / Пер. Ю. Н. Дрейзина. 2-е изд. М., 1957. Об эмблематике Коменского см.: Forsster L. W. Comenius und die Emblematis: ein Hinweis // Zeitschrift für slawische Philologie. 1961. Bd 29. Ht. 2. S. 247—250.

ни человеческой души.¹³ На протяжении XVIII века эта эмблематическая серия несколько раз перепечатывалась; в 1803 году в Петербурге вышел перевод латинских стихов, выполненный А. А. Турчаниновой.¹⁴ Наибольшей популярностью пользовалось издание, переработанное для Вейгеля австрийским проповедником Авраамом а Санта-Клара (Abraham a Sancta Clara, 1644—1709), впервые вышедшее в 1707 году под титулом «Huy! und Pfuy! der Welt».¹⁵ В отношении примера из ломоносовской Риторики это издание особенно примечательно тем, что в библиотеке В. Г. Орлова, включавшей и ломоносовские книги, сохранилось ее издание 1725 года.¹⁶ Для своего издания гравюры Лёйкена и латинские стихи Ханзица Авраам дополнил немецкими переводами стихов, выполненными его другом Самуилом Фабером (Samuel Faber, 1657—1716), анекдотами и собственными поучительными речами. Источник перевода Ломоносова обнаруживается в четвертой эмблеме этой книги. После описания Солнца, Луны и звезд издание Вейгеля переходит к четырем элементам, и первым из них рассматривается воздух. Сказав о переменчивости этой стихии,¹⁷ Ханзиц сравнивает ее с человеком:

Flet modo, jam ridet, nunc odet, amatque vicissim.
Nac sibi sunt homines quam levitate graves!¹⁸

Фабер передает это двустишие следующими четырьмя стихами:

Bald weint er eins daher, bald äußert sich das Lachen;
Bald macht er sich mit Haß, bald liebend eine Bürd.
Wie mag doch mancher Mensch so auf sich stürmen ein
Und sich mit leichtem Sinn so sehr beschwerlich sein!¹⁹

Сложно сказать, какой именно текст — латинский или немецкий — послужил источником перевода Ломоносова: с одной стороны, как и немецкий поэт, он использует для перевода четверостишие и говорит о человеке в единственном числе; с другой — по лаконичности русский текст ближе к латинскому, поскольку распространение у Ломоносова достигается не за счет риторических и грамматических оборотов, а с помощью введения в сентенцию общей темы всего стихотворения («Не больше в воздухе бывает перемен»)²⁰ Последнее обстоятельство, по сути, иск-

¹³ Подобным образом на изложении нравственных максим через изображение картин повседневности построены многие книги Лёйкена — как, например, изображающая преимущественно круг воспитания ребенка книга «Des menschen begin, midden en einde» (1712) или посвященная различным профессиям «Spiegel van Het Menselyk Bedryf» (1694).

¹⁴ Натуральная этика, или Законы нравственности от созерцания природы непосредственно пристающие / Пер. с лат. Анны Турчаниновой. СПб., 1803.

¹⁵ Maurer F. Abraham a Sancta Claras „Huy! und Pfuy! Der Welt“: eine Studie zur Geschichte des moralpädagogischen Bilderbuchs im Barock. Heidelberg, 1968; Eybl F. M. Abraham a Santa Clara. Vom Prediger zum Schriftsteller. Tübingen, 1992. S. 360—368.

¹⁶ Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 165 (№ 376 по каталогу). Знакомство с экземпляром книги из Национальной библиотеки Финляндии, где хранится библиотека Орлова (шифр Н 356. I. 28), не дает надежных оснований для идентификации его в качестве ломоносовского. Помет, относящихся к стихам о воздухе, в этом экземпляре нет.

¹⁷ Всего латинское стихотворение имеет 10 стихов; немецкое — 12.

¹⁸ Huy! und Pfuy! der Welt. Huy, oder Anfrischung zu allen schönen Tugenden; Pfuy, oder Abschreckung von allen schändlichen Lastern, durch unterschiedliche sittliche Concept, Historien, und Fabeln vorgestellt, worinnen der Poet, Prediger und wasserley Standespersonen für ihren Kram etwas finden können. Würzburg, 1725. S. 18. Дословный перевод: «Рыдает порой, вдруг смеется, вот ненавидит, и тут же любит. Вот насколько люди для себя тяжелы легкостью».

¹⁹ Ibid. S. 19. Дословный перевод: «Оттого он то вдруг плачет, то выказывает смех, то творит себе ношу ненавистью, то любя. Как же может иной человек осаждать сам себя, и с легким чувством быть себе же тягостным!»

²⁰ Можно, впрочем, заметить, что грамматическая конструкция последнего стиха у Ломоносова, использующая причастие, ближе к немецкому источнику (отягощен/beschwehrlich; в латинском тексте использовано прилагательное graves), что особенно проявляется в ранней ре-

лючает возможность заимствования Ломоносовым фрагмента текста из какого-либо пособия: оно говорит о том, что он был знаком с содержанием всего стихотворения в целом.

Установление интереса Ломоносова к книге «*Huy! und Pfu! der Welt*» важно не только потому, что четверостишие о воздухе, по-видимому, — наиболее поздний из примеров, отобранных Ломоносовым для его Риторике самостоятельно, помимо использованных при работе пособий (так, примеры из речей Э. Флешье в § 106 и И. Л. Мосгейма в § 112 взяты им у Готшеда).²¹ Этот пример может служить наиболее явным свидетельством активного, творческого, а не только прикладного²² интереса Ломоносова к важнейшей составляющей литературы европейского барокко — эмблематическим книгам. Так, не исключено, что неустановленные еще эмблематические книги могли послужить источниками примеров в § 134 («Кичливый, посмотришь в прозрачной здесь воде...») и 145 («Ты тверже, нежели тот металл...»).

Усложненная семантическая природа художественного стиля Ломоносова — подчеркнутое преобладание в нем переносных значений над прямыми; наличие незыблемой сферы неизменных идей за описанием вещного мира реальности; подчиненность описания частного явления задаче воссоздания гармонично устроенной Вселенной, — все эти особенности, характерные и для эмблематики, заставляют внимательно отнестись к эмблематическим книгам как возможному источнику творчества русского поэта.

дакции стиха, сохранившейся в рукописи и почти буквально совпадающей с немецким текстом: «*sich mit leichtem Sinn so sehr beschwerlich sein*» / «*Коль много легкостью своей отягчен*» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 173).

²¹ О проблеме соотношения в Риторике Ломоносова новых и классических примеров см.: Бухаркин П. Е. Риторика М. В. Ломоносова и классическая традиция в русской литературе // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. Т. 18. С. 98—118; Матвеев Е. М. Стихотворные примеры в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Там же. Т. 19. С. 641—645.

²² Из списков книг, взятых Ломоносовым в 1753 году из библиотеки Академии наук, известно, что он использовал (по-видимому, при подготовке программ фейерверков) немецкое пособие, основанное на «Иконологии» Ч. Рипы (Павлова Г. Е. Проекты иллюминаций Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л., 1960. Сб. 4. С. 230; Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 367—368; Морозов А. А. Ломоносов и барокко // Русская литература. 1965. № 2. С. 94—95). О значимости книги Рипы для понимания программы ломоносовского портрета писал в последнее время С. И. Николаев (Николаев С. И. Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 73—84). Из многочисленных примеров прикладного использования Ломоносовым средств эмблематики, помимо фейерверков, особого внимания заслуживает художественное оформление им дарственной грамоты на земли в Усть-Рудице (Тункина И. В. Дарственная М. В. Ломоносову на земли в Копорском уезде Петербургской губернии // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2013. [Т.] 67: М. В. Ломоносов и елизаветинское время. С. 71—93).

© К. А. Баршт

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ КАК ПРЕДЛОГ СЮЖЕТА (О КРИПТОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ «СЕЛА СТЕПАНЧИКОВА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Незаконченный роман Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», созданный в период сибирской ссылки писателя и опубликованный в 1859 году в журнале «Отечественные записки»,¹ многими исследователями воспринимает-

¹ Распространенное определение жанра этого произведения как «повести» можно принять с некоторыми оговорками. Упомянув «Село Степанчиково» в своих письмах, Достоевский сис-